

САЛАМ ИЗ СТРАНЫ ГОР

ДАША БЛАГОВА
Выросла в Минеральных Водах, потом поступила на журфан МГУ и уехала в Моснву. Была шеф-редакторной крупного мосновского медиа, писала статьи на социальные темы

и продюсировала поднасты. Спустя десять лет оставила профессию и вернулась на Навназ, чтобы заниматься только литературой. В мае 2022 года вышел дебютный роман «Южный ветер» в издательстве «Есть

смысл», рассказы публиковались в сборниках «Одной цепью» и «Срон годности», антологиях «Страсти по Конституции» и «Встречи с властью», журналах «Дружба народов» и «Прочтение», альманахе «Артикуляция».

Школьная дискотека закручивается воронкой, ее центр темный, влажный и жаркий. Там обычное подростковое тело отделяется от старших классов, доживания в родительской семье и необходимости скрывать свое курение, там подростковое тело становится вольным и диким.

Аля прошла через слой скучных и не танцующих, слой нерешительных, потом сильно пьяных, умеренно пьяных, достаточно дерзких. Она оказалась у центра, где перетекали друг к другу самые красивые, сексуальные и окончательно забывшие обо всем.

Если бы Аля могла выпить, стало бы проще, но за ней заедет мама, она всегда заставляет подышать себе в лицо. Так что Аля много дней репетировала движения, чтобы рука ползла по телу, а бедра плавали восьмеркой, чтобы глаза прикрывались, а рот размыкался. Аля начала все делать так, как учила дома, чтобы слиться с дискотечным нутром, но руки и бедра задержались и стали замораживаться, а органы внутри Али задрезжались, особенно в животе.

Черт, сказала Аля вслух. И сделала шаг назад, от сексуальных к достаточно дерзким. И потом еще два шага, к умеренно пьяным.

Ты сегодня такая красивая!

Это крикнула в ухо сильно пьяная одноклассница, значит, Аля уже почти вышла из дискотеки.

Хотя ты же всегда такая, сучка-а-а!

Одноклассница заржала, бросила на Алины плечи руки и стала вдавливать ее в пол. Аля вывернулась, скинула с себя одноклассницу и сделала губами и глазами так, чтобы все поняли, насколько Але противно (это выражение лица тоже было отрепетировано). Она вышла из толпы и прислонилась к стене.

Закрывает глаза, расслабила плечи, расслабила пресс, расслабила шею. Стала дышать носом, сконцентрировала внимание на ноздрях, сконцентрировала внимание на ступнях, сконцентрировала внимание на... Пока Аля выгоняла из себя разгулявшуюся панику, к ней по очереди подходили парни, чтобы позвать обратно в дискотеку, но никто из них в итоге не решался.

Вдруг заиграла совсем другая музыка, она даже не заиграла, а взорвалась. Колюще-режущая, барабанно-воинственная, древняя и бесконтрольная. Алю несколько раз толкнули, и она открыла глаза. Дискотека опустошила свое нутро и стала расширяться кольцом, подростковые тела пятились и задевали Алю.

Ненавижу лезгинку, сказала другая одноклассница, прилепившаяся к Але.

Я тоже, сказала Аля.

Неужели хотя бы раз без нее нельзя.

Да уж.

Хачи достали.

Ага.

Дискотечное кольцо продырявили четыре парня, это были парни-пули, парни-кинжалы. Их руки секли воздух, их ноги рушили пол. Движения парней-кинжалов рассказывали историю про молодость и смерть, про гордость и опасность. Дискотечное кольцо хлопало им в ритм. Алина паника сжалась и сдохла, а сама Аля сделала несколько шагов вперед, чтобы видеть лучше. Прежде всего ей хотелось рассматривать Магу.

Аля знала про Магу несколько фактов. Он окончил школу два года назад и теперь заочно учится на юридическом. Живет в двухэтажном доме и водит машину, похожую на дом поменьше. Все боялись Магу, так как понимали: если что, ему ничего не будет. Мага знал про Алю, что она очень уверена в себе, красива и всем говорит «нет». Мага также видел, что по утрам Аля выходит из панельки, куда в конце девяностых вселили семьи полицейских.

Город, в котором жили Мага и Аля, был промежуточным. Полоса степи перед горной цепью. Граница между православным краем и двумя мусульманскими республиками. Рядок панелек над краснокирпичным богатым кварталом. Преимущественно русские и около тридцати кавказских народностей, а также греки, украинцы, цыгане.

Там не было ничего среднего, все противостояло всему, самому себе и друг другу. Этот город был влажным, жарким и съедобным. Его сок тек по подбородку и склеивал пальцы, его плоды разбивались об асфальт и запекались в сладкий клей, а его травы хлестали лодыжки и кололи пятки, проникали в кожу, уши, под ногти. Он никогда не замерзал, снег ему был не нужен.

Люди, жившие в промежуточном городе, много ели, громко говорили и все время скучали. Солнце и все, что произрастало из черной земли, давало силы. Но сам город не давал событий. И поэтому когда сталкивались какие-то противоположности, вроде богатого и бедного, русского и нерусского, бандитского и полицейского, люди возбуждались и немедленно занимали сторону.

И поэтому когда Аля стояла в дискотечном кольце и смотрела на Магу, который резал густой воздух под воинственную музыку, в голове ее запрыгали слова. Чернильница, шмара, подстилка. И еще запрыгали воспоминания. Как в ее полицейском дворе соседи подросткового возраста затаились на Сашкином балконе, чтобы подкараулить Катьку. Сашка был на год-два старше других детей и носил берцы с металлическими накладками. А Катька встречалась с балкарцем

(или кабардинцем, черкесом, аварцем, в этом никто не разбирался). Поэтому когда она оказалась под балконом, на нее выпал дождь из плевков.

Але казалось, что если она дотронется до кожи Маги, то ее кожа сгорит и приклеится. Аля где-то читала, что лезгиночные движения имитируют бой. Когда танцующий разбрасывает руки в разные стороны, он как бы стреляет из лука. Чем дольше Аля смотрела на Магу, тем сильнее мечтала быть убитой его оружием. Мага выхватил Алин взгляд и подлетел к ней, чтобы втянуть в дискотечное кольцо. Движения женщины в лезгинке плавные и лебединые, Аля точно справится. Но она одернула руку, мотнула головой и исчезла за другими подростковыми телами.

Но когда после дискотеки мама Али позвонила и сказала, что не сможет приехать за ней из-за проблем с бизнесом, Аля прошла в соседний двор и села в машину к Маге.

В конце нулевых там, где жила Аля, девочка не могла быть сама по себе. Ей нужно было присоединиться к какой-нибудь силе. Иначе девочка переставала быть девочкой и становилась той, кого не возьмут замуж или даже в пару, той, кого не побегут спасать, если она будет звать на помощь. Сама виновата, скажут ей. Надо было раньше думать, услышит она.

Вообще-то, девочка даже не могла выбрать, к какой силе ей примкнуть. Вот Аля, например, выросла в полицейском дворе. И хотя ее отец исчез уже лет семь назад, оставив квартиру им с мамой, Аля все равно принадлежала его силе. Держись своих, говорил сосед дядя Вова. Если что случится, ты не молчи, говорил сосед дядя Юра. Хорошо, что у нас такой двор дружный, любила повторять мама. Я за тебя, в принципе, спокойна, добавляла она.

И поэтому когда Аля и Мага начали встречаться по вечерам через день, про это никто не узнал. Аля попросила Магу заезжать в другой двор и становиться за стеной из колючих кустов. Мага все понял, ему не хотелось вредить Але. Все, чего ему хотелось, это узнавать ее.

Мага спрашивал, не устает ли Аля от подготовки к поступлению через год. И еще спрашивал, часто ли ей бывает грустно. Интересовался ее отношениями с подругами. И тем, может ли она дать своей маме отпор, если та кричит. Все в порядке, отвечала Аля, мне все нравится, все под контролем, никаких проблем.

Они катались в машине по кромке города, Мага просил Алю пристегиваться, и та делала отре-

Але очень нравилось,
она не понимала
родного языка Маги,
но слышала в лезгинской
песне все, чего ей
не доставало в тесной,
школьной и полицейской,
повседневности. Наверное,
то, что она чувствовала,
было похоже на ностальгию
по тому, чего у нее
никогда не было.

петированное лицо. Разве ты не умеешь водить, выпускала из скривленных губ Аля. Это не важно, отвечал Мага, просто надо пристегнуться. Аля ждала, что он положит ей руку на колено и, может быть, поведет руку вверх. Когда она думала об этом, по внутренней стороне ее бедер пробегало электричество. Но Мага не трогал Алю.

Иногда Мага останавливал машину в дальних дворах и включал тихую музыку. Але это нравилось, хотя она и не говорила так вслух. Слушали всякое. Во вторую или третью их прогулку Мага включил что-то народное, кавказское, но совсем не похожее на музыку, ради которой дискотека становилась в кольцо и начинала хлопать в ритм. Это была текучая песня, она звучала как горная река, чуть замедлившаяся в долине. От нее хотелось улыбаться и обниматься. Может быть, поднять бокал для тоста. Посидеть с семьей.

Это музыка моего народа, рассказывал Мага.

Такие песни поют ашуги, они есть не только у меня на родине, но и в других местах Кавказа. Ашуги должны не только знать старые песни и истории, но и постоянно сочинять новые, рассказывал Мага.

У ашугов главное – слова, а музыка уже не так важна. Они играют сами на чунгуре, он похож на вашу домру. Вот сейчас поет ашуг по имени Шемшир, у него был отец Ширин, тоже ашуг. Шемшир

даже бросил школу, чтобы учиться у Ширина мастерству, рассказывал Мага.

Ну что, тебе нравится?

Але очень нравилось, она не понимала родного языка Маги, но слышала в лезгинской песне все, чего ей не доставало в тесной, школьной и полицейской, повседневности. Наверное, то, что она чувствовала, было похоже на ностальгию по тому, чего у нее никогда не было. Большая семья, вольная жизнь, свобода от маминых планов на ее, Алину, жизнь. Но Аля почему-то не могла этого сказать – и даже не потому, что ей запрещалось любить эту музыку. Просто не могла, и все. Поэтому пожалала плечами.

Что ты слышишь, спросил Мага.

Ветер.

А еще что?

Ну, как коровы спускаются к реке. И реку.

А еще что?

Как растет сосна над обрывом и не падает.

А еще что?

Даже не знаю. Какие ты задаешь странные вопросы.

Смешно, сказал Мага и правда засмеялся. Вообще-то, ты все правильно услышала, в этой песне Шемшир шлет салам, то есть привет, из Страны гор.

Иногда около восьми вечера они оказывались на холме за городом, выходили из машины, садились на траву и смотрели, как небо становится абрикосовым, потом персиковым и в конце – черешневым. Але хотелось выпить это небо, покатавать его на языке, прожевать хрустящие облака, лизнуть карамельные горы. Но она ни о чем таком не говорила Маге, хотя именно ему сказать хотелось. Просто она привыкла быть снаружи твердой и глянцевой. Но однажды Аля заплакала, сама не поняла, почему, и Мага приобнял ее, а затем поцеловал в макушку. Они сидели молча, пока небо не начало разбрасывать звезды.

Ты скучаешь по папе, спросил Мага.

Нет.

Я бы скучал.

Аля нахмурилась, подергалась лицом, ее органы задребезжали, особенно в животе, и начали скручиваться, а горло залилось металлом. Аля закрыла глаза, расслабила плечи, расслабила пресс, расслабила шею. Задышала носом, сконцентрировалась на ноздрях, сконцентрировалась на...

Вообще-то, очень, вдруг ответила Аля и сама себе удивилась.

Сначала он звонил раз в месяц, потом раз в два, спустя три года стал звонить перед Новым годом и днем рождения, сказала Аля.

А в этом году он меня даже не поздравил. Вообще ни с одним праздником.

Кстати, мы с мамой думаем, что он сидит на чем-то тяжелом в своем Магадане.

Ты, наверное, не знал, что он уехал туда на заработки? Даже не представляю, где находится Магадан. Точнее, знаю очень примерно. Я могла бы, конечно, посмотреть карту, но не хочу.

Когда он уезжал, у меня еще не было мобильного. Почти ни у кого тогда не было. И поэтому он звонит только на домашний, представляешь? Только он, бабушка и еще какие-то службы. Ну, звонил.

И вот когда трезвонит этот наш телефон, у меня все внутри... ну, загорается как будто и в момент становится пеплом. Я боюсь, что, ну, ты знаешь...

Если он на чем-то действительно сидит, я боюсь, что однажды позвонит не он.

Мага приобнял Алю, и она заплакала еще раз, но теперь не просто так, а много из-за чего. Понятно, что из-за папы, тоски о нем и страха за него. Но не только. Слезы не брызгали по-злому, не сочились скрытно, они лились легко, ручьем, потому что рядом был Мага, потому что он ее понял, и с ним ей не надо было твердеть и ламинироваться. Когда Аля закончила плакать и уже начала смеяться, Мага сказал:

– Мне кажется, я тебя люблю.

Аля представляла этот момент. Точнее, репетировала свою реакцию. Она должна была взглянуть как бы сбоку, хитро, улыбнуться совсем чуть-чуть и вместо ответа отвернуться и посмотреть вдаль, продолжая улыбаться.

– Мне кажется, я тебя тоже люблю, – вот как ответила Аля и совсем не улыбнулась.

Они наконец поцеловались, и губы Маги были на вкус как слива, тутовник, персиковое небо и карамельный горный хребет.

Наступил июнь, и Аля сбросила с себя десятый класс. Она знала, что ей предписано уехать в Москву как умной и целеустремленной. Так решила мама, так решила классуха, так решил ее полицейский двор. На самом деле Аля не была в этом уверена, как и ни в чем другом. Она решила жить это лето так, как ей хочется, а осенью уже подумать.

Пока мама занималась поставками, выгрузками, продажами и всем остальным, что было связано с ее продуктовыми ларьками, снабжавшими деньгами Алино московское будущее, Аля просто шаталась по городу. Иногда сидела на турниках с Сашкой и другими детьми полицейских, иногда

встречалась с одноклассницами, иногда ходила в библиотеку за книжками. Но в основном Аля просто ждала вечера, чтобы темными дворами проскользнуть к Маге.

Однажды продавщица из маминого ларька увидела Алю «с каким-то дагом в машине» и сказала об этом своей хозяйке. Да ну, брось, Любка, моя Аля в жизни не спутается с кавказцем, у нас такое не приветствуется. Любка выпивала, мама об этом знала, поэтому и правда не допустила мысли, что та может быть права. Аля и Мага в свою очередь были уверены, что про них совершенно никому не известно, но ошибались.

Сначала дядя Юра увидел из окна, как Аля бросает в контейнер пышный розовый букет.

Потом жена дяди Вовы постучалась вечером в Алину квартиру, чтобы попросить пару яиц, но никто не открыл. Следующим вечером дядя Вова пошел стучать в Алину квартиру сам, просто чтобы проверить, но внутри снова никого не было.

Потом эта Любка пожаловалась Алиной маме.

В конце концов Сашка в берцах с металлическими носами шел утром домой после пьянки и заметил большую машину Маги, вставшую в их дворе. На следующее утро Сашка специально поставил будильник на пораньше и сел сторожить. Какой-то даг приехал снова, постоял и уехал. На четвертое утро Сашка, дядя Вова и дядя Юра все вместе затаились на Сашкином балконе. Даг был тут как тут. И чего ему надо, выбросил изо рта Сашка. Ек-макарек, сказал дядя Вова, глядите, кто идет. Из подъезда вышла Аля и повернула в сторону библиотеки. Она даже не посмотрела на большую машину, да и машина, тут же тронувшаяся с места, поехала в противоположном направлении. Но Сашке, дяде Вове и дяде Юре стало очевидно: этот богатый даг преследует их Альку.

Сначала обсудили, что надо приволоочь дага в отделение. Потом придумали, что можно просто припугнуть формой. Затем договорились до того, что и кулаками поучить будет не лишним. В итоге вспомнили, что Ленка, мама Али, прибьет всех, кто сделает что-то без ее ведома. Притихли. И решили поговорить сначала с Ленкой. Дядя Вова был старше всех, поэтому отправили его.

Говорю тебе, Ленка, это плохо кончится.

Надо делать что-то, Ленка.

Ты это, прости, что я так, с панталыку тебя сбил. Просто я знаю этих горцев.

Мама Али сидела на стуле в своей кухне, густо обставленной техникой, и держала ладони на лице. Дядя Вова стоял напротив. Он волно-

вался, потому что не видел Ленкиного лица и не представлял, чего от нее ждать. Так что в конце концов дядя Вова просто замолчал. Когда Ленка убрала руки, ее лицо оказалось обычным, то есть хмурым, строгим и по-своему красивым.

Ну и, спросила Ленка, что ты предлагаешь.

Не знаю, надо, наверное, припугнуть. Так-то его не за что в отделение тащить.

Понятно.

Мы с мужиками можем, если что, давай только решим, как и когда.

Ладно. Спасибо, Вова. Дальше я разберусь сама.

Мама Али занималась, кажется, открытием третьего ларька. Или, наоборот, закрытием. Аля не знала точно, что делает мама, потому что та сообщала лишь то, что Але нужно было знать: это все ради нее. Последние два месяца Аля привыкла вставать и завтракать в одиночку, а иногда и засыпать одной. Поэтому когда Аля проснулась в конце июня, услышала кухонное шебуршание и не нашупала рядом с собой телефон, ее внутренние органы стали по-плохому пританцовывать.

Пароль, сказала мама, как только Аля зашла на кухню.

Аля взяла телефон, ввела пароль и осталась стоять с ним в руке. Аля смотрела на телефон как на мертвого котенка, который мяукал, терся об Алину руку шерсткой и облизывал ей пальцы, а тут вдруг сдох. Мама выдернула его и стала тыкать когтистым пальцем. Аля смотрела за ее бровями, они оставались сдвинутыми над носом, все как обычно, ничего особенного. Брови не подпрыгнули вверх и не опустились вниз, даже когда мама бросила телефон в стену и тот разлетелся. И когда врезала Але так, что сама Аля тоже чуть не разлетелась.

Домашний арест. Неделя.

Вот что сказала мама Али.

Квартира, в которой осталось Алино тело, была обесточена и отщеплена от всей планеты. Мама Али вырвала интернетные провода, вынесла все мобильные телефоны и забрала с собой стационарный. Все дверные ключи, с брелочками и запасные, а также строительные инструменты высыпались из квартиры.

Алино тело лежало в кровати и тоже обесточилось. Сама Аля то проявлялась в нем, то исчезала. Она перестала считать дни сразу же, потому что не могла уследить за собственными проявлениями. Ее больше устраивало не быть нигде, чем снова чувствовать на себе мясо и кожу. Потому

что в момент соединения с Алей ее тело тут же забивалось паникой, металлом, ржавчиной, ее органы начинали орать друг на друга как никогда громко.

И никакие дыхательные техники, разученные вместе с бабушкой, принявшей буддизм после отъезда сына в Магадан, не помогали. Для того чтобы дышать, нужен воздух. У Али его не было.

Иногда в дверь стучали. Даже если Аля была в теле и слышала стук, она все равно не подходила. Мама ничего не объяснила ей, и поэтому Аля даже не знала, кто она теперь и как ей предписано жить, говорить, реагировать. Ее воля высыпалась из квартиры вместе с ключами, инструментами и телефонами. А инструкции Аля пока не получила.

Аля и ее мама не сталкивались внутри обесточенной квартиры. Но однажды мама вошла в комнату, где лежало Алино тело, и притащила за собой солнечные лучи. Мама улыбнулась.

Просыпайся, доченька, все позади.

Аля вернулась в свою кожу, встала, поправила задравшуюся футболку. Мама улыбалась, и это значило, что она сильно о чем-то сожалеет. Аля могла вспомнить все ситуации, в которых мама улыбалась вот так. В Алю вернулась воля. И немного злости. Больше пока не вмещалось, но Аля смогла пройти мимо мамы, тянувшейся к ней с объятиями.

Хочу есть, сказала Аля.

Да, конечно, идем, ответила мама.

Мама вывалила на стол вареные яйца, помидоры, хлеб, лаваш, колбасу, сосиски, розовую рыбу из вакуумной упаковки, чашечку с оранжевой икрой, немного масла, немного сыра, еще фрукты. Аля взяла яблоко и отгрызла от него зеленый бочок.

Где мой телефон, спросила она.

Мама положила на стол белый кирпич с логотипом, который Аля однажды видела вытатуированным на подростковой лодыжке. Он был затянута в пленку и пах новым. Рядом мама бросила конверт с новой симкой.

Это тебе в Москву, только не потеряй, сказала мама.

В какую Москву? Москва через год.

Я подумала, что лучше тебе поучиться в частной школе с проживанием. Там тебя подготовят к вступительным экзаменам.

Если поступишь на бюджет, получится все равно дешевле.

Я буду приезжать к тебе каждый месяц.

Ты уже выросла из этого вонючего города. Не-

чего с этими дебилами общаться. Ну, вроде Сашки. И всех этих тупиц.

Аля не чувствовала в теле ни электричества, ни проржавения, ничего такого. Было пусто, и только в глазах жгло углями. Аля встала, надела топ, надела шорты, распаковала новый телефон, вставила в него новую симку, сунула телефон в задний карман, туда же положила наушники и вышла из квартиры. Мама ничего больше не сказала, Аля тоже. Все слова робели перед ними двумя.

Промежуточный город, в котором доживала Аля последний месяц или, может, два – мама пока не сказала, сколько, – набухал, вызревал, тек, лип, пах. Аля пошла по улице с тутовником, остановилась и нарвала горсть, и тогда Алины пальцы почернели, уголки Алиных губ почернели, по футболке расплзлись пятна, тоже черные.

Аля не помнила имени того ашуга и имени отца того ашуга, поэтому нашла в интернете какую-то другую песню, тоже текущую горной рекой, и пустила ее по новым белым наушникам.

Аля пошла в сторону саманных домов, старых и нищих, но у саманных домов всегда росли лучшие деревья, и там Аля нарвала полные карманы бордовой черешни. Она плыла туда, куда звал ее ашуг, поющий в уши, брала черешню из карманов, ела ее жадно и расплевывала косточки. Черешни было так много, что она лопалась и давилась в карманах, и черешневая кровь текла по бедрам Али.

Аля шла липкая, красно-черная, перепачканная, а ашуг все звал и звал.

Аля пришла во двор к однокласснице и спросила про Магу, одноклассница ничего не знала. Аля увидела парня с черными волосами и его тоже спросила про Магу, но парень вообще не знал Маги. Аля спросила про Магу в своем дворе, но там ее стали жалеть и говорить, что никакие Маги ее больше не беспокоят.

Аля пришла домой поздно, уже было темно, она набрала в ванну горячую воду и опустила в нее свое одетое в шорты и футболку тело. От Али поползли красно-черные струйки, тугово-черешневый сок. Вместе с этим соком с нее смывалась старая жизнь и промежуточный город.

В рассказе упомянуты факты из материала «Традиционная музыка Северного Кавказа» проекта Arzamas.

*Рассказ написан в Доме творчества
Переделкино.*